

«ПРОБЛЕМЫ ЦИТИРОВАНИЯ В АНТИЧНОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ»

МОСКВА, 29–30 НОЯБРЯ, 2024 ГОДА

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

(в авторской редакции)

Марианна Юрьевна Андрейчева (Москва). *Библейские цитаты в летописном хождении апостола Андрея*

Доклад посвящен проблеме библейского цитирования в летописном фрагменте Повести временных лет, описывающем путешествие апостола Андрея из Херсонеса в верховья Днепра и далее через новгородские земли в Рим. Несмотря на то, что данный сюжет имеет давнюю и обширную историографическую традицию, до сих пор нельзя сказать, все заложенные в нем смыслы исчерпывающе раскрыты. В частности, это касается идей, заложенных в тексте посредством прямого и скрытого цитирования из Священного Писания. Автор доклада ставит перед собой задачу обнаружения прямых и косвенных библейских параллелей в исследуемом фрагменте летописи, характеризует литературные приемы летописца и пытается раскрыть смыслы, заложенные автором в тексте летописи, повествующем о пребывании апостола Андрея на киевских горах и о его наблюдениях касательно новгородских бань.

Екатерина Владимировна Антонен (Москва). *Письмо Сикко Полентона к Никколо Никколи: скрытые цитаты римских авторов и проблема атрибуции текста*

Сикко Полентон (1375–1447) известен прежде своим сочинением «*Scriptorium Illustrium Latinae Linguae Libri*», которое содержит биографии латинских писателей и поэтов от Ливия Андрония до Петрарки.

Полентон всю жизнь провел в Падуе. В 1392 г. он стал нотарием при правящем в Падуе семействе Де Каррара, в 1402 г. получил падуанское гражданство, к 1411 г. стал государственным нотарием, около 1417 г. — канцлером Падуи. Должность канцлера он занимал до 1430 г., а в 1431 г. оставил деятельность нотариуса и целиком посвятил себя литературным занятиям.

Примечательным является метод работы Полентона, который он использует в своем сочинении «*Scriptorium Illustrium Latinae Linguae Libri*». Весь свой текст он строит на известных ему оригинальных текстах римских авторов, вплетая в свой рассказ скрытые цитаты из

них. Примером может служить фраза из биографии Катутла: *feminam quidem, cui verum Clodia nomen esset, Lesbiam nomine mutato et falso vocat eandemque basiis multis milibus basiat* (63.19). Наибольшее число скрытых цитат происходит из произведений Цицерона.

Данная особенность стиля Полентона является важным основанием для атрибуции другого его произведения — письма Полентона к Никколо Никколи, в котором Полентон рассказывает об открытии им в Падуе так называемого захоронения Тита Ливия (CIL. 05, 02865; 1–50 гг. н.э.). Это письмо сохранилось в нескольких редакциях, одна из которых была опубликована в 1625 г. (*L. Pignoria. Le origini di Padova*), а вторая, по-видимому, неопубликованная, находится в рукописи Lat. F. XVIII. 12 (РНБ). Сравнение текстов обеих редакций позволяет считать редакцию, представленную в Петербургской рукописи, более соответствующей манере цитирования и особенностям стиля Полентона, а опубликованную редакцию — позднейшей, обработанной редактором и сокращенной, версией этого текста.

Михаил Валентинович Асмус (Москва). *Особенности цитирования Священного Писания Леонтием пресвитером Константинопольским (V в.)*

Для ранневизантийской гомилетики нет более масштабной проблемы, чем разбор псевдоэпиграфических завалов и разрешение проблем авторства. Одним из дискутируемых вопросов в современной науке остается состав и датировка гомилетического наследия неизвестного историкам автора — Леонтия пресвитера Константинопольского. В рамках фундаментального исследования корпуса нами был выявлен ряд особенностей при цитировании Священного Писания, присущих этому автору: 1. Цитирование по памяти или с дополнениями. 2. Создание амальгам из разных библейских источников. 3. Метод постепенного наращивания толкуемого текста. 4. Использование библейской цитаты в качестве «припева» в «гомилетическом антифоне». Наша работа по подготовке *editio princeps* гомилии 34 «*In Crucem et latronem*», а также работа над определением вклада славянских переводов в текстологию гомилий Леонтия (грант РФФ №24-28-00196), выявила неоднократные попытки переписчиков нивелировать особенности цитирования Священного Писания Леонтием, лишить тексты стилистического своеобразия. В то

же время, учет особенностей цитирования Священного Писания Леонтием позволяет достигать более убедительных результатов при установлении авторского текста гомилий, являясь одним из весомых критериев в определении состава корпуса.

Андрей Вадимович Базаров (Москва). *Цитирование законов о взяточничестве в речах афинских ораторов классического времени*

Доклад посвящен рассмотрению и анализу цитат афинских законов против взяточничества, которые встречаются в речах афинских ораторов V–IV вв. Афинские ораторы цитируют законы, которые существовали в полисе в данный период и должны были использоваться в судебной практике. Однако если обратить внимание на то, как цитируют риторы соответствующие законы, то можно заметить, что речь идет либо о разных законах, либо авторы речей допускали ошибки в цитировании. Так, например, Демосфен цитирует два разных закона, посвящены борьбе со взятками в целом (XXI. 113) и отдельно со взяточничеством в суде (XLVI. 26). Гиперид же цитирует закон, в котором говорится о наказании для подкупных раторов (Нур. IV. 7-8; 29). Причем в последнем случае наказанием является смерть, в первом – атимия и конфискация имущества, а во втором – не упоминается вовсе никакого. Кроме того, в Афинах существовало такое явление как сикофантия, при котором сикофант буквально вымогал взятку у одного из граждан. Против такой формы взяточничества также существовали законы, один из которых процитирован Демосфеном (LVIII. 5).

Большой интерес в историографии вызывает процитированный Демосфеном (XXI. 113) так называемый «общий закон о взяточничестве» («the general law concerning bribery»), который, по мнению некоторых исследователей, содержит в себе ядро более раннего закона против взяточничества. В докладе будут освещены разные исследовательские позиции по данному вопросу, а также будет проведена критика некоторых исследовательских тезисов.

Зоя Анатольевна Барзах (Иерусалим). *Автоцитация в трагедии Софокла «Эдип в Колоне»*

Трагедию Софокла «Эдип в Колоне» по праву называют «интертекстуальной трагедией»: это единственная из дошедших до нас древнегреческих трагедий, где напрямую обсуждаются события ранее

написанного произведения, а именно, трагедии «Царь Эдип». Однако вопрос о том, на какую степень знакомства аудитории с более ранней трагедией рассчитывал автор, остаётся открытым. В настоящем докладе мы стремимся показать, что трагедия «Эдип в Колоне» содержит как почти дословные, так и изменённые, в силу иного контекста, цитаты из трагедии «Царь Эдип», и, следовательно, рассчитана на зрителя, чрезвычайно близко знакомого с текстом более ранней трагедии, хотя может быть понята и не столь квалифицированной аудиторией. Для подтверждения данной гипотезы мы будем разбирать стихи 806, 864–870 и 1132–1137 трагедии. Первые два отрывка взяты из сцены конфликта Эдипа с Креонтом. Ст. 806 практически дословно повторяет ОТ 545 – реплику, также адресованную Эдипом Креонту в их конфликте в трагедии «Царь Эдип». Ст. 864–870 перефразируют ОТ 1478–1479, однако, в силу противоположной драматической ситуации, перефразируют с противоположным значением. Последний отрывок – ст. 1132–1137 – заключительные строки монолога, обращённого Эдипом к Тесею. Эти строки являются близким интертекстуальным эхом ОТ 1413–1415, однако, в силу иного взгляда героя на свою судьбу и иной интерпретации её в трагедии, имеют противоположное значение.

Григорий Сергеевич Беликов (Москва). *Максим Тирский и апология Сократа*

В докладе будет рассмотрена III речь Максима Тирского «Прав ли был Сократ, не защищаясь в суде». Этот мало изученный текст будет рассмотрен в свете традиции написания «Апологий Сократа», а также в литературном контексте I–II вв. н.э. Среди исследователей, как-либо затрагивавших этот текст, сформировались два предвзятых подхода, которые очевидно препятствовали полноценному анализу этого текста. Обычно в научной литературе ставился вопрос: следует ли рассматривать эту речь как исторический источник или как риторическое упражнение, несколько не претендующее на историческую достоверность. Менее популярной была гипотеза об ее исторической достоверности. Эта речь привлекалась в качестве доказательства того, что Сократ не защищался в суде.

Другой исследовательский подход сводится к навешиванию ярлыка «риторическое упражнение», при котором полностью

исключается какая-либо возможная историческая достоверность этого текста.

В докладе будет показано, что недостатком упомянутых выше подходов была неправильная интерпретация основной мысли III речи. Максим не стремится доказать, что Сократ вовсе не защищался в суде. Главный вопрос, которому посвящена речь, почему Сократ не подготовил защитительную речь согласно правилам риторики. Именно этот пункт был оставлен без внимания комментаторами и исследователями. На основе рассмотрения цитат из «Апологии Сократа» и других платоновских диалогов в докладе будет показано, в чем Максим опирается на предшествующую традицию, как его текст соотносится с сохранившимися «Апологиями» Ксенофонта и Платона. Также будет уделено особое внимание риторической терминологии, на которую не обратили внимание издатели речей Максима.

Маргарита Андреевна Бируля (Москва). *Рецепция топик биографий Томаса Бекета в исландских сагах XIII-XIV вв.*

При изучении святых в Исландии необходимо учитывать внешнее влияние на конструирование местных культов. Одной из наиболее значимых персон XII-XIII вв., оказавшей влияние на становление культа исландских святых, считается кентерберийский архиепископ Томас Бекет. В кон. XII в. исландский хёвдинг Равн сын Свейнбьёрна привез в Исландию несколько житий св. Томаса, которые, как считается, легли в основу «Саги о Томасе архиепископе», но, по предположению исследователей, разные тексты о Томасе привозили в Исландию и ранее. Известно, что цитаты из биографий Томаса Бекета встречаются в сагах о епископах об исландских беатифицированных прелатах Торлаке и Гудмунде, преемнике Торлака Пале и, что особенно примечательно, в т. н. сагах о недавних событиях, посвященных распрям между наиболее могущественными родами, которые привели к утрате Исландией независимости («Сага о Торгильсе Заячьей Губе» в составе компиляции «Сага о Стурдунгах»). Примерно в сер. XIV в. была записана позднейшая из саг о Гудмунде, епископе диоцеза в Северной четверти, и в ней обнаруживается наибольшее количество прямых и косвенных заимствований из биографий Бекета. Эти заимствования, вероятно, были призваны сблизить фигуру св. Томаса с Гудмундом, поскольку запись саг о нем была связана с готовящейся процедурой по канонизации исландского

епископа. Однако, помимо того, что эти параллели часто не вписываются в контекст повествования, иногда они приводят к прямо противоположному эффекту. В докладе будут проанализированы заимствования из биографий Томаса Бекета и контекст упоминаний его имени в исландских сагах.

Татьяна Андреевна Бобровникова (Москва). *Полибий о своих предшественниках: цитаты, обсуждение, критика*

В докладе мы рассматриваем многочисленные упоминания Полибием историков, его современников и предшественников. Это, во-первых, так называемые полемические отступления, где автор критикует имевшуюся к его времени литературу. Во-вторых, мы останавливаемся на интересной особенности истории Полибия: он создает портреты всех историков от времен Александра до своей эпохи, отмечает их сильные и слабые стороны, выясняет причины их ошибок и круг интересов. В-третьих, пытаемся выяснить, ссылается ли он на заимствованную информацию или только на источники. Цель доклада – выяснить, кого именно из своих предшественников, когда и с какой целью цитирует Полибий во «Всеобщей истории». Иными словами, речь идет о проблеме историографии у Полибия. Мы считаем, что наш автор максимально для своей эпохи подошел к современному понятию историографии.

Нина Владимировна Брагинская (Москва). *Как выглядит Бог: две цитаты в одном стихе (Passio Perpetuae et Felicitatis 12. 1-3)*

В карфагенских "Страстях Перперуи и Фелицитаты и с ними пострадавших" (203 г.) содержится Видение Сатура (гл. 11-13), где он описал, как он сам и Перпетуя были доставлены ангелами в рай. Ангелы велели войти и приветствовать Dominum (11:10). Приблизившись к указанному месту, где стены были *quasi de luce aedificati* (словно выстроены из света, 12.1) они услышали хор (*vox unita*), который беспрестанно (*sine cessatione*), повторял по-гречески: *Agios, agios, agios* (12:2). Там они увидели *quasi hominem* «как бы человека».

12:1-3

Et introivimus, et audivimus vocem unitam dicentem: "Agios, agios, agios," sine cessatione.	И мы вошли и услышали хор, повторявший непрерывно: «Агиос, агиос, агиос».
---	---

<p>Et vidimus in eodem loco sedentem quasi hominem canum, niveos habentem capillos et vultu iuvenili, cuius pedes non vidimus .</p>	<p>И увидели мы в том же месте восседавшего словно бы человека с седыми волосами: власы его белоснежны, а лик юн, ног же его мы не увидели</p>
---	--

В этих немногих словах содержатся, по нашему мнению если не прямые цитаты, то две отчетливые две отсылки к Ветхому Завету, а не непосредственное воспроизведение сонного видения. Они касаются соединения облика седовласого с юным лицом и сообщения, что "ног мы не увидели". Соединение старости и юности как образ отсутствия возраста сложится в рамках апофатики несколько позже, а последнее обстоятельство, насколько нам известно, не получало еще своего комментария. Мы сопоставим эти описания не с Септуагинтой, но с отрывком из Исайи в версии Теодотиона и мессианским фрагментом Даниила в папирусе P967 (II–III вв.).

Наталья Владимировна Бугаева (Москва). *Заговор Катилины в "Chronica de origine civitatis Florentiae": первоисточники и цитаты*

Написанная на латинском языке в первой трети XIII века «Хроника о происхождении города» ("Chronica de origine civitatis Florentiae") является наиболее ранним сохранившимся примером флорентийского историописания. Анонимный автор не мог обойти стороной заговор Катилины, поскольку с деятельностью этого персонажа было напрямую связано легендарное основание Флоренции – дочери и законной наследницы Рима. В «Хронике» кратко излагается история заговора, причем акцент делается именно на события в Этрурии (Тоскане), которые закладывали идеологическую основу для взаимоотношений Флоренции с соседними городами Фьезоле (Фезулами) и Пистойей (Писторией).

Текст «Хроники» обречен прямо или косвенно восходить к Саллюстию, поскольку лишь тот описал последний этап восстания, в частности битву при Пистории. Средневековый автор в целом правильно излагает действия Катилины и его преследователя Антония Гибриды, но рассказ о решающем сражении производит двойственное впечатление. С одной стороны, подчеркивается ожесточенность боя и огромные потери сражающихся, победители названы «скорбными и победоносными (luctuosis et victoriosis)» - прямая аллюзия – но не прямая цитата! -к двум местам в "De

coniuratione Catilinae” (58. 2; 61. 7-9). С другой стороны, появляются дополнительные детали разной степени важности: 20 уцелевших солдат Антония и немногие выжившие из числа катилинарцев (Chron. 6), которым предстоит основать Пистою, будущую соперницу Флоренции. В целом оправданнее говорить о рассказе по мотивам, чем о цитировании Саллюстия.

Более близким является сходство с «Бревиарием» Евтропия, где говорится о начале заговора в Риме: “L. Sergius Catilina, nobilissimi generis vir, sed ingenii pravissimi, ad delendam patriam coniuravit cum quibusdam claris quidem, sed audacibus viris. Socii eius deprehensi in carcere strangulati sunt. A Cicerone urbe expulsus est” (VI. 15). «Хроника» (Chron. 6) местами дословно воспроизводит текст Евтропия, рисуящего близкую, но не идентичную саллюстиевой, картину.

Екатерина Николаевна Бузурнюк (Москва). *Lapsus linguae Гегелоха и Фиромаха: цитирование речевых ошибок в комедиях Аристофана*

Комедия – жанр металитературный, изобилующий отсылками и прямыми цитатами из текстов разных жанров. Конечно, наиболее оживлённый диалог комедия вела с трагедией: как на уровне прямого цитирования, так и на уровне пародии, причём как вербальной, так и визуальной. Кроме того, в Афинах V в. до н.э. комедия была теснейшим образом связана с жизнью полиса: так, общественно значимые события могли найти отражение в новой пьесе, а всякий политик или оратор рисковал быть высмеянным – будь то за внешность, поступок или образ жизни. В данном докладе будет рассмотрено два случая, когда Аристофан цитирует речевые ошибки орфоэпического характера. В одном случае оговорку совершил трагический актёр Гегелок во время постановки «Ореста» Еврипида (Аристофан цитирует в «Лягушках», Ra. 303-304), в другом – неизвестный оратор Фиромах (цитата в «Женщинах в народном собрании», Есс. 21-23). Цитирование такого рода ставит следующие вопросы, которым и будет посвящён данный доклад. Насколько легко зрители распознавали такие цитаты? Какова функция этих цитат внутри комедии? Где должна была быть совершена оговорка, чтобы Аристофан мог процитировать её в комедии и не рисковать тем, что цитата останется нераспознанной? В чём принципиальное отличие цитирования речевых ошибок от других видов цитирования в комедии?

Анна Борисовна Ванькова (Москва). *Василий Великий (IV в.), Феодор Студит (VIII-IX вв.) и Афанасий Афонский (X в.): проблема передачи монашеского опыта*

Василий Великий — одна из самых значимых фигур не только в христианском богословии, но и в истории византийского монашества. В научной литературе считается, что его Аскетикон оказал сильное влияние на последующие поколения ромейских иноков. Реформатором общежительного монашества в духе Устава Василия Кесарийского был Феодор Студит, как написано в его житии он в начале своего монашеского поприща изучал сочинения отцов Церкви, и, особенно, Василия. Обычно говорят, что у концепции общежительства у Феодора два основных источника: Василий Великий и Газские преподобные, в первую очередь Дорофей Газский. Но и газские отцы во многом опирались на Василия Великого. В свою очередь, Афанасий Афонский, основатель общежительного монашества на Афоне, игумен первой киновии на полуострове — Великой Лавры, в своих уставных произведениях многое заимствовал из Феодора Студита. Итак, цели нашего исследования следующие: показать, как и каким образом (прямая цитата, парафраз, аллюзии) Феодор Студит цитировал Василия Кесарийского, как часто и в каких типах произведений; показать «миграцию» концептов и цитат от Василия через Феодора к Афанасию; проанализировать корреляцию между цитатой, призванной аргументировать позицию автора, и этой позицией.

Алексей Алексеевич Вигасин (Москва). *Цитаты в санскритских шастрах*

Дхармашастры дошли до нас под именами древних мудрецов. Даже в тех случаях, когда цитата не анонимна, она редко может быть идентифицирована. А если текстуальные совпадения не обозначены как цитаты, их трудно рассматривать как таковые — они могут принадлежать безымянной устной традиции. Совершенно иной характер имеют цитаты в позднейших комментариях. Их авторы работали с письменными текстами (нередко, впрочем, используя их из вторых рук). Однако отношение к авторству шастр и у средневековых комментаторов остается таким же, как в древности. Отбор цитат комментатором определяется иерархией авторитетов (причем

авторитетность шастры не зависит от того, какому именно «автору» она приписывается). В комментариях к наиболее авторитетным шастрам цитаты приводятся скупно и часто безымянно. Количество цитат в комментариях настолько велико, что помогает решать вопросы текстологии и реконструировать утраченные памятники.

Иной характер имеют цитаты в «мирской» (лаукика) литературе шастр начала н.э. Попытки реконструировать древнейшие сочинения о политике на основе цитат в «Артхашастре» не дают удовлетворительных результатов. Составитель этого памятника вместо своих действительных предшественников цитирует мифических персонажей, выстраивая между ними фиктивные дискуссии. Едва ли не игрой с читателем являются цитаты в «Камасутре», автор которой приписывает трактаты о любви легендарным политикам и ученым древности.

Софья Витальевна Головатская (Санкт-Петербург). *Правки Евсевия Кесарийского в цитатах из Платона на материале "Praeparatio Evangelica"*

Апологию Евсевия Кесарийского *Praeparatio Evangelica* исследователи нередко сравнивают с библиотекой, отмечая, что обширные цитаты христианских, иудейских и античных авторов занимают значительную часть текста сочинения. Среди многообразия текстов первыми по количеству цитат являются диалоги Платона, «предводителя всех философов» (PE XI. 3). Евсевий, по мнению исследователей, лично знаком с рукописями Платона, собранными в библиотеке Кесарии Палестинской (Mras, ss. 60-63). Не смотря на точность бóльшей части цитат, которую Евсевий неоднократно подчеркивает (PE I.5.14; I.6.8), существует ряд расхождений.

В докладе рассматриваются и анализируются отличия между рукописным текстом пассажа Платоновского Тимея (Tim. 28c 3-4), Федона (Phaed. 114 c) и текстом *Praeparatio Evangelica* (PE XI. 29.4; 38.6), где Евсевием приведены цитаты из соответствующих пассажей.

В PE XI.29.4 Евсевий дословно передает текст Phaed. 114 c, где говорится о том, что блаженную загробную участь унаследуют те, кто полностью очистился философией (οἱ φιλοσοφία ἰκανῶς καθηράμενοι), так как они будут жить бестелесно (ἄνευ τε σωμάτων). Единственное отступление в тексте Евсевия – корректура ἄνευ τε καμάτων, подразумевающая сознательный отказ от понятия о

бестелесном воскресении. В PE XI.38.6 текст показывает замену платоновского *ποιητὴν καὶ πατέρα* (Tim. 28 с 3-4) на *ποιητὴν καὶ δημιουργόν*, что может говорить о сознательном решении сохранить термин *πατέρα* для обозначения Бога Отца.

Анализ цитат в текстах Евсевия и его предшественников, по нашему мнению, показывает, что Евсевий вносит правки в те места, которые не соответствуют христианскому мировоззрению. Мы полагаем, что правки Евсевия служат как апологетической цели *Praeparatio*, так и догматическим воззрениям автора.

Список литературы:

Mras, K. *Die Praeparatio Evangelica I-X*, Berlin, Boston: De Gruyter, 1954.

Favrelle, G. *Eusèbe de Césarée. La Préparation évangélique XI*. SC 292. Paris: Cerf, 1982.

Наталья Геннадьевна Головнина (Москва). *Особенности библейского цитирования в разных жанрах монашеской литературы: уставы, послания, поучения, жития*

В докладе будет рассмотрена литература Пахомиева круга (IV в.), к которой относятся сочинения основателя общежительного монашества Пахомия Великого, его преемников Орсисия и Феодора Освященного, а также анонимное Житие Пахомия. Анализ этих текстов позволяет говорить не только о взаимосвязи жанра и функций библейской цитаты, но также о влиянии цитаты на жанровые характеристики. И в легислативных, и в дидактических и в агиографических текстах есть библейские цитаты, но не в каждом типе текстов они были изначально обязательными, при этом их появление в некоторых случаях меняет акценты и даже направленность в текстах одного и того же жанра. Так, монашеские правила из первоначально сухих дисциплинарных установок внешнего поведения, которые часто сравниваются с воинским уставом, обращаются к описанию внутреннего состояния монаха и осмыслению монашеского образа жизни, приобретая черты поучения. От жанра же зависят функции цитат и степень их многообразия в одном тексте: преобладающе назидательная в поучениях и посланиях, и максимально разнообразные — вплоть до разговорной — в Житии.

Также обращает на себя внимание еще одна важная особенность монашеской литературы: библейские цитаты часто остаются без

толкования, и только контекст позволяет понять, какая экзегеза соответствующего отрывка или сюжета сложилось в аскетической традиции. Особенно интересными можно считать примеры толкования тех стихов Священного Писания, которые объективно были малопонятными в силу погрешностей их перевода с языка оригинала.

Татьяна Николаевна Джаксон (Москва). *Древнеисландский prosimetrum – цитирование скальдических стихов в исландских королевских сагах*

Исландские саги – преимущественно прозаический жанр. Однако в значительном числе саг встречаются поэтические вставки, благодаря чему до нас дошел большой объем дописьменных поэтических сочинений – скальдической и эддической поэзии. Прозиметр королевских саг значительно отличается от прозиметра других под-жанров исландской саги, а именно также использующих его родовых саг и саг о древних временах. Как показал полвека назад Бьярни Эйнарссон, если в родовых сагах (за некоторыми исключениями) висы приводятся «только для развлечения», и главное – являются частью повествования, а потому должны рассматриваться как элемент художественной структуры, то в королевских сагах цитируются, как правило, строфы из скальдических стихов, сочиненных в честь норвежских конунгов их придворными поэтами или скальдами – современниками конунгов, и приводятся эти висы в подтверждение слов саги. Современные исследователи несколько иначе представили две роли, исполняемые скальдическими вставками в прозу саг: по их мнению, это цитаты, основанные на фактических данных, и строфы, выступающие в ситуативной роли. Что касается прозиметра саг о древних временах, то мнения исследователей расходятся: одни считают, что скальдические вставки в них преимущественно сделаны для подтверждения сказанного; другие обнаруживают огромное число стихотворных диалогов, считая именно такое использование скальдических строф основным в сагах данного под-жанра.

В докладе я рассмотрю цитирование скальдических строф авторами королевских саг. Я остановлюсь на нескольких моментах. Во-первых, я представлю оценку значимости скальдических стихов как источника авторами саг первой половины XIII в., и в частности, автором «Круга земного» Снорри Стурлусоном. Во-вторых,

продемонстрирую на конкретных текстах, насколько доступен (или не доступен) пониманию исландцев XIII в. был формально усложненный скальдический стих X–XI вв. В-третьих, на примере двух стрóf норвежского конунга Олава Харальдссона покажу, что скальдические стрóфы в королевских сагах порой могли быть частью повествования, и в этой же связи коснусь проблемы «мигрирующих вис» – скальдических стрóф, приписываемых известному автору, но используемых в различных прозаических контекстах.

Екатерина Андреевна Дружинина (Санкт-Петербург). *Цитаты из «Письма Аристея» в “Praeparatio Evangelica” Евсевия Кесарийского*

В сочинении Евсевия Кесарийского “Praeparatio Evangelica” можно обнаружить большое количество цитат из произведений как языческих, так и иудейских авторов. Большая часть иудейско-эллинистической литературы до нас не дошла, поэтому выдержки Евсевия являются ценным и подчас единственным свидетельством, благодаря которому мы можем судить о таких авторах как Артапан, Иезекииль-трагик, Аристобул, Евполем, Тимохар и др. «Письмо Аристея» в этом смысле является исключением, так как этот псевдоэпиграф, написанный по всей видимости во 2 в. до н.э. в Александрии, в отличие от других памятников иудейской эллинистической литературы дошел до нас полностью: почти во всех рукописях, содержащих греческий текст памятника, «Письмо Аристея» появляется в качестве вступления к катенам к Восьмикнижию, создание которых традиция связывает с именем Прокопия Газского (нач. 6 в. н.э.). С другой стороны, наряду с полным текстом «Письма», мы располагаем также несколькими выдержками из этого сочинения, которые приводит Евсевий в “Praeparatio Evangelica” (Praep. Ev. VIII, 2, 1–4 = Ep. Arist. 9–11; Praep. Ev. VIII, 2, 5–5, 5 = Ep. Arist. 28–46, Praep. Ev. VIII, 5, 6–5, 10 = Ep. Arist. 310–317, Praep. Ev. VIII, 9, 1–38 = Ep. Arist. 128–171). С точки зрения Андрэ Пелтье (1962), сравнение ошибок, обнаруженных в эксцерптах Евсевия, с ошибками в рукописях «Письма», позволяет установить, что рукописная традиция «Письма» ведет свое начало из Кесарийской библиотеки (Pelletier, 1962, 9). Поскольку в рукописях «Письма», самые ранние из которых датируются 11 в., текст содержит большое количество ошибок и несмотря на многочисленные попытки издателей, во многих местах остается в неудовлетворительном

состоянии, фрагменты Евсевия представляют для издателей «Письма Аристеея» большую ценность. Сопоставление чтений Евсевия с чтениями рукописей «Письма» позволяет во многих случаях провести правдоподобную реконструкцию текста.

Павел Андреевич Евдокимов (Москва). *Две цитаты из «Кипрской политики» Аристотеля о царских зубах*

Предполагаемый фрагмент «Кипрской политики» Аристотеля (Arist. Fr. 527 R³) в античной традиции цитируется дважды: в «Естественной истории» Плиния Старшего и в словаре Юлия Поллукса. В обоих случаях приводящих цитату авторов интересовало сообщение Стагирита о зубных патологиях в семье кипрского царя IV в. до н. э. Никокла. Однако эти свидетельства существенно различаются в деталях, так что ни одно из них нельзя безоговорочно признать точно передающим смысл исходного сообщения Аристотеля: Поллукс путает двух кипрских царей, носивших имя Никокл, в то время как Плиний, возможно, не вполне верно отражает последовательность и степень взаимного родства упоминавшихся в этом сообщении лиц. Подобные абберрации могли возникать при парафразе, особенно в тех случаях, когда от приводящего это сведение автора ускользал конкретно-исторический контекст: речь шла о давно ушедшей в прошлое царской династии, родственные связи внутри которой перестали быть актуальными, что было далеко не так на момент написания исходного произведения («Кипрской политики»).

Нина Юрьевна Живлова (Москва). *К вопросу о цитировании «О гибели Британии» Гильды у Беды Достопочтенного*

В докладе рассматривается вопрос об использовании «О гибели Британии» Гильды в «Церковной истории» Беды Достопочтенного. В последнее время эта проблема привлекает к себе пристальное внимание исследователей творчества Гильды. В докладе рассматриваются новые аспекты этой проблемы, в том числе в свете анализа ранних переводов Гильды и Беды.

Яна Леонидовна Забудская (Москва). *Цитата как элемент нарратива в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха*

Как правило, рассмотрение цитат у Плутарха сводится к констатации неточностей (от изменения отдельных форм до контаминации из нескольких фрагментов, иногда даже разных

авторов) и их объяснению: опора на память без обращения к тексту либо использование вторичных источников – сборников «мудрых мыслей» (Плутарх очевидно опирался на сборники эксцерптов). Однако, характеристика особенностей цитирования классических авторов не может ограничиваться рассмотрением точности цитирования, а включает в себя и способы введения цитат в текст, и функции, которые выполняют цитаты в рамках произведения, и, главное – искажение смысла высказывания и причины изменений, внесенных автором в исходный текст цитаты.

В докладе предполагается рассмотреть принципы цитирования в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха (основные функции цитат: декоративная (украшение фразы), информационная (сообщение или подтверждение факта), аналогия (характеристика персонажа или ситуации), логическая (аргументация), - с особым вниманием к внесенным в исходный текст изменениям). Хотя практика цитирования существовала и раньше (как в грекоязычных, так и в латиноязычных текстах манера цитирования к эпохе позднего эллинизма уже сложилась), именно у Плутарха цитата становится художественным приемом, элементом нарратива – как часть более общего «трагического («драматического») дискурса.

Михаил Вячеславович Земляков (Москва). *Мальбергская глосса в Салической правде и цитирование судебной лексики франков*

Судебный процесс в отражении Салической правды – один из наиболее известных и изученных сюжетов истории права раннего Средневековья. Организация суда, права и обязанности сторон, полномочия должностных лиц, степень участия королевской власти и графов – все эти темы так или иначе неоднократно дискутировались в работах западноевропейских, американских и отечественных историков XIX-XXI вв.

Однако при достаточной изученности самых важных научных проблем не до конца решённым остаётся вопрос о роли слоя германской лексики, который принято называть мальбергской (или франкской) глоссой. Эта терминология встречается в редакциях Салической правды времени первых Меровингов – короля Хлодвига (семья А, около 507-511), его сыновей, внуков и правнуков (семья В, Австразия, между 511-555, и семья С, предположительно Австразия или королевство Гунтрамна, между 567-596), а также основателя

Каролингской династии Пипина Короткого (семья D, около 751-768). Но до сих пор среди исследователей нет единства во мнениях относительно того, к какому диалекту древнегерманского языка можно отнести эти выражения и в какой исторический период они проникли в судопроизводство (в дохристианскую эпоху, во время фиксации древнейшей редакции Салической правды или даже при первых Каролингах). Также идут споры о том, являлись ли эти глоссы «техническими» пояснениями и дополнениями к латинскому тексту или прямым отражением устного этапа германского «законоговорения».

Целью моего доклада выступает систематизация мальбергской глоссы, выделение в её структуре основных тематических блоков, анализ степени её распространения в редакциях Салической правды времени Меровингов и Каролингов. В качестве научной гипотезы я обосновываю следующую точку зрения: мальбергская глосса возникла как форма цитирования устных судебных решений в германоязычной среде на территории Западной Римской империи и широко бытовала в сотенном и графском суде как минимум до конца VI в. наряду с латинскими формулами и выражениями, к середине VIII в. постепенно уступая место латыни и романским языкам.

Екатерина Викторовна Илюшечкина (Москва). *Мифологическая история Рима и проблема скрытого цитирования у Солина*

Гай Юлий Солин предваряет географическое описание обитаемого мира, которому посвящен его компилятивный труд *Collectanea rerum memorabilium* (ок. III в.), кратким очерком истории Рима от его возникновения и вплоть до принципата Августа (I 1-52). Это нарушает привычный порядок географического сочинения и не сочетается с зачинами его основных источников и образчиков – Помпония Мелы и Плиния Старшего. В своем «историческом» очерке Солин приводит ряд мифов и преданий, персонажами которых становятся локализуемые на Палатине Ромул (без Рема), троянка Рома (эпоним Рима), мать Евандра Никострата по прозвищу Кармента («Певунья»), Ангерона, герой Геркулес и местное чудовище Как, выступающие в качестве обязательных элементов «римского мифа». Основная проблема современного исследователя Солина заключается в отсутствии прямых указаний автора компиляции на использованные им источники. Очевидно, что для самого Солина и его современников

большая часть процитированных в прологе персонажей и локаций будущего Рима были прозрачнее и понятнее. В докладе проводится попытка при анализе материала Солина отыскать максимальное число источников его цитат и ответить на вопрос о роли скрытого цитирования в его произведении.

Антон Игоревич Каспаров (Волгоград). *Цитирование в меровингской агиографии VI в.*

Меровингская агиография представляет собой отдельный жанр раннесредневековой литературы. В своей работе агиографы этого периода активно использовали цитирование. Прежде всего в этой связи стоит говорить о цитировании библейских текстов, что не удивительно для агиографии. Однако помимо прямого цитирования, которое достаточно часто в подобной литературе, нередко можно столкнуться и с «переработкой» библейских сюжетов. Кроме того, стоит отметить, что высшим образцом для меровингских агиографов была позднеантичная агиография и прежде всего Житие Мартина Турского, составленное Сульпицием Севером. И если не прямые цитирования, то отсылки к Житию Мартина и сравнения с самим св. Мартином достаточно часто появляются на страницах меровингской агиографии VI в.

Однако особо стоит отметить, что в меровингской агиографии VI в. также отмечено цитирование античных авторов. Прежде всего, «Энеиды» Вергилия, и, возможно, римского поэта Энния. Примером этого можно привести Житие Далмация Родезского и Житие Квинида Везонского. Это редкий и интересный пример цитирования античных авторов в сугубо церковной литературе был обусловлен тем, что меровингские агиографы еще получали классическое образование и знали античных авторов. Оба приведенных текста были созданы в южной Галлии, где римские традиции классического образования и культуры просуществовали наиболее долго.

Михаил Сергеевич Киселёв (Москва). *Ra-mbiat cet diabla i talam: интертекстуальный анализ древнеирландского трактата «Алфавит благочестия»*

В настоящем докладе будет предпринята попытка реконструировать интертекст раннесредневекового трактата «Алфавита благочестия» (Argitir chrábaid; далее – АС) –

предположительно, самого древнего из дошедших до нас церковных прозаических текстов, записанных на древнеирландском языке.

По своей композиции и содержанию АС напоминает собой сборник, компендиум разрозненных сентенций, поучений и иногда весьма пространных рассуждений, посвященных воспитанию добродетелей, борьбе со страстями и некоторым другим смежным темам. Подобная лоскутность, мозаичность структуры АС подталкивает к мысли о том, что перед нами текстовая компиляция или, своего рода, центонный текст. Если наше предположение верно, то этот текст может представлять собой набор неточных цитат, пересказов и, вероятно, даже собственных идей авторов-составителей трактата.

В кельтологических исследованиях известны несколько гипотез о том, какие тексты оказали влияние на авторов-составителей: среди них упоминались Книга Притч Соломоновых, труды Иоанна Кассиана, сочинения Василия Великого, и даже «Сентенции» Исидора Севильского. Однако исследователи в своих работах практически никогда не пытались ни структурировать выявленные интертекстуальные элементы, ни расширить число возможных источников АС. По результатам проведенного интертекстуального анализа удалось выявить как ряд новых неатрибутированных цитат, аллюзий и реминисценции из Книг Библейского канона (преимущественного Нового завета), так и более сложные формы использования текстов континентальных церковных писателей (Аврелия Августина, Григория Великого) авторами-составителями АС – «вариации на тему претекста» с элементами «дописывания “чужого” текста» (в терминологии Н.А. Фатеевой), опосредованные, в том числе, переводом с цитат первоисточника с латинского оригинала на древнеирландский язык.

Владимир Александрович Конюхов (Москва). *Цитаты из писем свт. Киприана Карфагенского у позднеантичных и раннесредневековых авторов: контекст, интерпретация, функции*

Сщмч. Киприан Карфагенский оставил достаточно обширное эпистолярное наследие: собрание его писем насчитывает 81 единицу, из которых 65 принадлежат самому карфагенскому епископу и 16 — его адресатам. Цитаты из этих писем, порой обширные, встречаются у многих позднеантичных и раннесредневековых авторов IV — IX вв. и в

текстах различных жанров. Нас будет интересовать весь спектр вопросов, предложенных к обсуждению на данной конференции, но прежде всего — контекст, в котором цитируются письма св. Киприана, интерпретация его слов цитирующими авторами, а также функции, которые цитаты из писем карфагенского епископа выполняют в рамках заимствующих текстов.

Антон Викторович Короленков (Москва). *Мемуары Катуты и Суллы в сочинениях Плутарха*

Мемуары Квинта Луция Катуты и Луция Корнелия Суллы не дошли до нашего времени, однако они многократно цитируются в сочинениях Плутарха, что дает немалые возможности для реконструкции их фрагментов. Оба мемуариста настроены резко антимариански (это ярко демонстрируют тексты Плутарха), не стесняясь возводить на Мария самые нелепые обвинения как полководца и политика. Следует отметить, что воспоминаниями Катуты Плутарх пользовался явно через вторые руки; этому могло способствовать то, что они были написаны на латинском, которым Плутарх владел не в совершенстве, тогда как записки Суллы, вопреки закрепившемуся в науке мнению, на греческом. В отдельных местах Плутарх подвергает мемуары Суллы критике. Определенную сложность вызывает то, что местами он пересказывает Суллу и Катуту, недостаточно их разграничивая. Тем не менее их общая тенденция достаточно очевидна.

Алексей Олегович Корчагин (Москва). *К проблеме цитирования пророков в Новом Завете (на примере Мф. 27:9-10)*

Доклад посвящен анализу цитаты в 27 главе Евангелия от Матфея (стихи 9-10). В начале главы рассказывается о том, как Иуда бросил в храме 30 сребреников, за которые он предал Христа, после чего удавился. Первосвященники не стали класть эти деньги в храмовую сокровищницу, но купили на них землю горшечника. Далее евангелист говорит, что таким образом исполнилось пророчество Иереми: “И взяли они тридцать сребреников, цену оцененного, которого оценили сыны Израиля, и отдали их за землю горшечника, как повелел мне Господь”. Проблема состоит в том, что в книге пророка Иереми отсутствует данная цитата. Ядро цитаты в Евангелии от Матфея занимает пророчество Захарии (Зах. 11:12-13). В 11 главе книги пророка Захарии Бог представлен в виде пастуха,

пасущего овец, под которыми подразумевается метафорически народ Израиля. Бог требует у народа плату за труд, и народ дает Богу плату в тридцать сребреников, которые Бог велит бросить в Храме для горшечника. Однако у Захарии не говорится о покупке земельного участка. При этом в цитате у Матфея все же присутствуют отсылки к книге пророка Иеремии, в частности, к Иер. 32:9, где пророк говорит о покупке им земельного участка своего двоюродного брата в Анатоте, а также к 18 и 19 главам данной книги, в которых упоминается горшечник. Кроме того, окончание 10 стиха 27 главы Евангелия от Матфея представляет собой формулу, характерную для Септуагинты Пятикнижия. Таким образом, в Евангелии от Матфея правильнее было бы говорить не о цитате, а о сложной реминисценции, представляющей собой контаминацию пророчеств Захарии, Иеремии и формулы Пятикнижия. При этом, как уже было сказано, евангелист приписывает данные слова только пророку Иеремии. Это не единственное место в Новом Завете, содержащее контаминацию нескольких пророчеств, но единственное место, где слова, принадлежащие нескольким пророкам, приписаны одному пророку. С чем связано приписывание пророчества одному Иеремии? Ответ на этот вопрос дать трудно. В науке существует несколько гипотез на данный счет. Речь может идти об ошибке памяти, либо о том, что во времена Матфея существовал свиток Иеремии, содержащий пророчество в том виде, в котором оно процитировано, либо мог существовать список Евангелия от Матфея, в котором был наряду с Иеремией упомянут и Захария, либо Захария не упомянут потому, что он принадлежит к малым пророкам, имена которых в Евангелиях упоминаются крайне редко. Анализ и критике данных гипотез и будет посвящен наш доклад.

Алексей Михайлович Крюков (Москва). *Еще раз о контексте употребления слов «ὁ ἑμέσις» в VI книге «Хронографии» Михаила Пселла*

В «Хронографии» Михаила Пселла (VI, 61) содержится следующий характерный эпизод, издавна привлекавший внимание бытописателей византийских нравов. Император Константин IX Мономах распорядился, чтобы во время торжественного шествия вместе с царицей Зоей и ее сестрой Феодорой шла и его любовница, севаста Мария Склирена. Некто из придворных льстецов произнес как бы про себя, но так, чтобы его слова дошли до ушей севасты, начало

гомеровского стиха: οὐ νέμεσις... (Il. III, 156; в русском переводе Н.И. Гнедича — «Осуждать невозможно...»). После процессии Склирена разыскала льстеца, точно повторила его слова (τὸν λόγον ἀνέκρινε, μηδὲν ὑποσολοικίσασα τὴν φωνήν, ἀλλ' ὀρθοεπήσασα τὸ ὄνομα ἀκριβῶς) и, убедившись в благоприятном для себя смысле сказанного, щедро его наградила.

Начиная со Средних веков и до нашего времени данный эпизод традиционно понимался как показательный пример успешной лести, обращенной к женской красоте. Между тем пселловское описание случившегося, по моему мнению, вызывает ряд недоуменных вопросов, особенно очевидных на фоне тонкого психологизма, свойственного этому автору. В самом деле, Склирена, которую сам Пселл описывает как женщину весьма умную, образованную и к тому же интересовавшуюся античной мифологией, безусловно, была знакома с гомеровским текстом. Так почему же ей вообще потребовалось специально уточнять скрытый смысл очевидной, казалось бы, цитаты? Кроме того, почему Пселл считает нужным специально отметить правильность ее выговора: в самом деле, какую вообще ошибку можно было бы допустить в двух столь простых греческих словах, обычных не только для гомеровского, но и для обиходного языка? В докладе будет сделана попытка ответить на эти вопросы, изучив различные контексты употребления данного выражения в античности и византийском Средневековье, а также разобравшись с тем, каких именно «солецизмов» Михаил Пселл мог ожидать от своих современников.

Ирина Владимировна Кувшинская (Москва). *“Vertitur interea coelum”*: цитаты из поэм Вергилия и «Комментариев» Мавра Сервия Гонората в XIII–XV книгах «Этимологий» Исидора Севильского

Доклад связан с работой над переводом с латинского языка XIII–XV книг «Этимологий» Исидора Севильского, посвященных описанию Мироздания, стихий, частей света, а также городов и построек, созданных руками человека. В этих книгах, задуманных как единое целое, Исидор Севильский приводит более двадцати стихотворных цитат из поэм Публия Вергилия Марона, которые служат дополнением к формулировкам текста, придавая им глубину, многогранность и новые оттенки стиля. Краткие цитаты, обращенные к образованному читателю, призваны установить некий культурный

контекст, общий для читателя и автора, основанный на узнавании стихотворных фрагментов Вергилия и выстраивании связанных с ними сложных ассоциаций.

Если стихотворные цитаты представляют собой отдельные и часто не несущие конкретной информации вкрапления в создаваемый Исидором текст, то комментарии к поэмам Вергилия, написанные в конце IV в. римским грамматиком Мавром Сервием Гоноратом становятся одним из основных источников для XIII-XV книг «Этимологий»: пространные цитаты из Сервия и пересказы его текстов встречаются в этих книгах не менее 150 раз. В докладе на примере отдельных фрагментов будет показано, как складывался текст «Этимологий», что позволит проанализировать особенности стиля и содержания компилятивного труда Исидора Севильского и одновременно подчеркнуть значение книг «Комментариев» Сервия как грандиозной энциклопедической «Суммы», охватывающей разнообразные стороны античного знания. Обращение к поэмам Вергилия у Исидора Севильского еще раз подтверждает исключительный авторитет поэта для христианских писателей поздней античности и средневековья.

Елена Владимировна Литовских (Москва). *Цитаты и заимствования в старших редакциях «Книги о занятии земли»*

Достоверно установлено, что авторы старших редакций средневекового исландского исторического сочинения «Книга о занятии земли» (*Landnámabók*) Стурла Тордарсон, Хаук Эрлендссон и Снорри Маркуссон пользовались различными источниками. Кроме устных преданий в тексте «Книги» можно выделить как прямые цитаты (самая известная из которых из труда Беды Достопочтенного «*De ratione temporum*»), так и скрытые заимствования из самых разных нарративов. За отсылкой «как говорят мудрые люди» в тексте «Книги» очень часто подразумеваются цитаты или перефразирование произведений исландского ученого первой половины XII в. Ари Торгильссона Мудрого. Проблемам, связанным с вычленением в тексте «Книги о занятии земли» фрагментов, предположительно принадлежавшим перу Ари, и посвящен доклад.

Анна Михайловна Маломуд (Москва). *Змеи и путешествия: об одной автоцитате у Никандра Колофонского*

В докладе рассматриваются два места из поэм Никандра Колофонского – пассаж из поэмы *Theriaka* (Об укусах ядовитых животных и противоядиях), в котором перечислены места обитания европейских и азиатских гадюк (Ther. 214–218), и фрагмент 109 (Gow, Scholfield), описывающий маршрут путешествия и, возможно, принадлежащий к несохранившемуся хорографическому эпосу *Aitolika*. На основании того, что стих Ther. 215 (Ῥυπαῖον, Κόρακός τε πάγον, πολίον τ' Ἀσέληνον) и первый стих фрагмента (Οἰωνοῦ Ῥύπης <τε> πάγον κατ' Ὀανθίδα λίμνην) содержат практически одинаковую последовательность топонимов, можно с достаточно большой уверенностью утверждать, что мы имеем дело со случаем автоцитирования внутри корпуса сочинений Никандра. Сопоставив способы перечисления географических названий в обоих пассажах, автор доклада приходит к выводу, что первичным скорее стоит считать текст фрагмента: в нем топонимы объединены в маршрут при помощи пространственных обозначений, в то время как в месте из *Theriaka* пространственные обозначения устранены. Последнее, по мнению автора, объясняется тем, что вся секция о европейских и азиатских гадюках у Никандра имеет структуру, характерную для «Каталога кораблей» из 2-й песни Илиады, а именно представляет собой перечисление мест без указания на их взаимное расположение („А населяет места В, С, D etc“). Благодаря этому структурному сходству создается параллель между ахейцами, отправившимися воевать в Трою, и ядовитыми змеями, которые в *Theriaka* зачастую изображаются как военные противники людей. Таким образом, Никандр использует стих из другого своего сочинения (по мнению некоторых исследователей фрагмент 109 также имеет отношение к военной тематике, а именно – к походу спартанцев на Навпакт в 426 г. до н. э.), но при этом видоизменяет его, сообразуясь с общим колоритом поэмы *Theriaka*, в которой отсылки к Гомеру и, в особенности, к батальным образам Илиады играют ключевую роль.

Помимо этого, указанные стихи можно рассматривать в контексте того, как Никандр имитирует принцип формульности, столь характерный для эпической поэзии и представляющий собой специфическую разновидность цитирования.

Анна Александровна Медведева (Москва). *Проблемы цитирования в «Саге о епископе Арни»*

В докладе рассматривается вопрос цитирования в исландской «Саге о епископе Арни Торлакссоне» – источнике, относящемся к виду «епископских саг». Сага интересна тем, что содержит большой объем сведений по церковной и политической истории Исландии второй половины XIII в. Рассматриваемый источник был написан в первой четверти XIV в., а его автором предположительно был епископ Скальхольтской кафедры Арни Хельгасон – племянник Арни Торлакссона, епископа той же епархии. В источнике подробно описывается *staðamál* – конфликт светской и церковной власти в Исландии по поводу церковных владений, хронологически приходящийся на время епископства Арни Торлакссона (1269–1298). По подсчетам современного исландского историка Торлейва Хойкссона в саге цитируется 68 письменных источников (различных документов и писем), притом некоторые из них не сохранились иначе, чем в виде цитат в данной саге. Исследователь также отмечает, что автор саги, опираясь на тексты документов, дополнял их (или иногда несколько отклонялся от них) лишь в тех местах, где считал необходимым.

Многие источники, на которые ссылается автор саги, тесно связаны с епархией Скальхольт и ближайшим окружением епископа Арни Торлакссона. По мнению исследователей, некоторые используемые в саге письма во время епископства Арни хранились вместе, и весь этот комплекс был доступен автору саги. Арни ставит перед собой задачу осветить деятельность церкви под наиболее выигрышным углом и, соответственно, выставить в невыгодном свете неугодную церковной власти политику. В связи с этим напрашивается мысль о том, что приводимые цитаты и дополнения к ним призваны подчеркнуть легитимность деятельности Арни Торлакссона.

Зоя Юрьевна Метлицкая (Москва). *Библейские цитаты в английских проповедях начала XI века*

В своем докладе я проанализирую практику использования библейских цитат в сочинениях двух английских книжников начала XI века: Эльфрика (ум. 1020) и Вульфстана (ум. 1023). Их произведения составляют большую часть дошедшего до нас корпуса древнеанглийских проповедей. Интересно рассмотреть их практики цитирования именно в сравнении, поскольку они представляют две разных церковных традиции. Эльфрик был учителем латыни в

монастыре Керне (Дорсет), а позднее – настоятелем монастыря Ившем; его проповеди были адресованы, скорее всего, монашеской аудитории. Вульфстан был епископом Лондона и позднее архиепископом Йорка и был заметной фигурой в политике в правление королей Этельреда Нерешительного (978-1016) и Кнута (1016-1035).

При анализе практики цитирования библейских текстов я обращала внимание на следующие особенности.

1. Какие библейские книги цитируются в проповедях? Каков источник цитат (Вульгата или другой)? Насколько точно передан латинский текст?

2. Как оформляется цитирование (указан ли «автор» цитируемого фрагмента, как вводится и заканчивается цитата, как выглядят цитаты в сохранившихся рукописях)?

3. Насколько точно передается цитата на древнеанглийском языке (я также рассматриваю случаи, когда латинский текст не приводится)?

Латинские цитаты из библейских книг в большинстве случаев вводятся в текст проповеди словесной формулой «... (указание источника) sweþ» («... (тот-то, там-то) говорит). Далее следует латинская цитата (полная или только несколько первых слов и затем *et reliqua*), а затем перевод на древнеанглийский (вводится словами «*fæt is on Englisc*»). Латинские цитаты даются по Вульгате, и, как правило, точно. Указания на «источник» цитаты, обычно самые общие «Господь сказал в своем Евангелии», «говорит апостол», «пророк сказал», «псалмопевец сказал» и т.д. Более конкретные указаны «апостол Павел», «пророк Иезекииль» у Эльфрика встречаются чаще, чем у Вульфстана. Перевод на древнеанглийский язык как правило более развернутый, чем латинская цитата, и скорее смысловой, чем дословный. В текстах Эльфрика иногда даются цитаты на древнеанглийском языке без латинского оригинала, но с указаниями источника или введенные как прямая речь (например, покаянная речь умирающего царя Иезекии).

Алексей Владимирович Мигальников (Москва). *Искажение текста 123-й новеллы папой Григорием Великим и его позиция касательно апелляции к папскому престолу*

Эпистолярное наследие святителя Григория I Великого (590–604) является уникальным для первого тысячелетия и насчитывает более 800 единиц. Письма папы адресованы епископам Запада и патриархам Востока, императорам, варварским королям и их жёнам, чиновникам и управляющим папскими патримониями. Во многих из них он цитирует Ветхий и Новый Завет (чаще в посланиях духовным лицам), античных философов и императорские новеллы. Примечательно, что при этом папа не цитирует своих предшественников по кафедре.

Любопытный случай представляет собой относящееся к 603 г. письмо XIII.49, в котором папа передает содержание 123-й новеллы императора Юстиниана. Новелла описывает порядок церковно-судебных апелляций и предусматривает, что приговор патриаршего суда является окончательным. Григорий искажает смысл законодательной нормы, дополняя её текст указанием, что если в случае иска против епископа со стороны клирика или другого лица одна из сторон не согласна с приговором, но не имеет над собой митрополита или патриарха, «дело должно быть заслушано и разобрано апостольским престолом, который есть глава всех Церквей», то есть римским собором во главе с папой.

Данный случай цитирования стоит рассмотреть в контексте дел малоазийских пресвитеров Иоанна и Афанасия, осужденных в Константинополе за ересь и обратившихся к папскому суду. Святитель Григорий запросил у константинопольского патриарха Иоанна Постника материалы дел и оправдал обоих клириков. Однако даже прибавление к 123-й новелле формально не давало ему такого права, поскольку клирики имели над собой патриарха как высшую судебную инстанцию. Тем более интересно, что со стороны патриарха Иоанна не видно возражений против действий папы. Можно предполагать, что главным основанием для перевода дела в свою юрисдикцию Григорий считал требование 123-й новеллы завершать дело в патриаршем суде «согласно канонам и законам», в то время как он писал о нарушении канонов в судебном производстве по делам малоазийских клириков.

Иван Андреевич Миролюбов (Москва). *Прямая речь императоров Диоклетиана и Константина Великого в сборнике "Historia Augusta"*

Сборник императорских биографий, известный под названием *Historia Augusta* (далее – НА), является одним из самых загадочных памятников античной литературы, так как до сих пор идут дискуссии о реальной фигуре автора (или авторов), который скрывался за шестью псевдонимами названных в рукописях сочинителей сборника. Сам текст сборника очень часто пародирует античное историописание; ярким примером такой мнимой учености автора являются цитаты из сочинений выдуманных авторов или же документов (писем, речей, законов и т.д.). Сборник представлен как сочинение, написанное в правление императоров Диоклетиана и Константина Великого, с которыми автор НА от лица вымышленных им историков беседует во введениях и отступлениях. В тексте присутствуют высказывания самих императоров. Безоговорочная запись их в число фальсификаций затрудняется тем, что исследователями признано знакомство автора НА с безусловно достоверными (но не дошедшими до нас) автобиографиями императоров Адриана и Септимия Севера. Кроме того, из других источников известно о работе Константина Великого над сочинением мемуарного характера, с которым автор, в действительности писавший на рубеже IV–V вв. мог быть знаком. В этой связи прямые высказывания и пересказ мыслей Диоклетиана и Константина Великого должны быть сопоставлены с их деятельностью и прямой речью, известной из других, более достоверных источников. Актуальность этого исследования объясняется тем, что автор НА принадлежал к языческим интеллектуалам. Между тем, для позднеантичных язычников оба императора были важными фигурами в контексте дискуссий о религиозной жизни империи в эту эпоху. Присутствие прямой речи двух ключевых императоров Поздней Античности в пространстве одного текста – редчайший пример по сути их заочной дискуссии (сопоставимый с речами императоров в «Крониях» Юлиана Отступника).

Алексей Владиславович Мосолкин (Москва). *Кого цитировал Веррий/Фест в несохранившейся части леммы о Риме (De verb. sign. 329–330 L)?*

В основе доклада находится анализ одной из лемм лексикона “*De verborum significatu*” Веррия/Феста (326–330 L). Основу сохранившегося лексикона (начиная с буквы М) составил труд

грамматика Веррия Флакка (55 год до н.э. – 20 г. н.э.). Вероятно, во втором веке н.э. это массивное сочинение было значительно сокращено неким Фестом, а в 9 веке еще более сокращено Павлом Диаконом. К сожалению, исследуемая лемма под названием Roma сохранилась не полностью: она, самая длинная из всего словаря, состояла, вероятно, из 81 строк, 56 из которых в целом доступны для чтения, следующие же 25 сохранились в крайне неудовлетворительном состоянии. В этой статье Веррий/Фест приводил версии предшественников, посвященные тому, почему город Рим получил свое название. В сохранившейся части леммы приводятся «цитаты» из сочинений девяти греческих писателей: Кефалона Гергития (псевдоним Гегесианакта из Александрии Троицы, жил в Риме в конце II века до н.э.), Аполлодора из Гелы (IV век до н.э.), Алкима (IV век до н.э.), Антигона (III век до н.э.), неизвестного сочинителя истории Кум, Агафокла (конец V – начало IV в.), Калтина (?), Гераклида Лемба (III век до н.э.), Галита (?). Последние 25 строк, незаслуженно проигнорированные научной мыслью, почти целиком уничтожены. Тем не менее, начальные буквы отдельных строк (-lao-, -mito-, -pere-, conpressa, -mam monte-, sunt educati) позволяют поставить вопросы и сделать осторожные предположения, какие авторы цитировались и о чем был их рассказ в несохранившихся строках леммы.

Татьяна Сергеевна Орлова (Санкт-Петербург). *Прямое и скрытое цитирование в экзегетических трудах Иоанна Златоуста и Феофилакта Болгарского*

Иоанн Златоуст и Феофилакт Болгарский - два выдающихся толкователя новозаветных текстов. Их творения признаны классическими текстами православной экзегетики. Вероучительный/апологетический характер экзегетических текстов Иоанна Златоуста и Феофилакта Болгарского приводит обоих толкователей Нового Завета к прямым и косвенным, парафрастическим цитатам из двух источников – творений отцов церкви и писаний авторов, признанных церковью еретическими. В первом случае оба толкователя прибегают к авторитету церковной традиции для подтверждения своей позиции, во втором – полемизируют с экзегетикой еретиков. Характерным примером полемической по отношению к еретикам экзегетической манеры

Иоанна Златоуста является его толкование на Евангелие от Иоанна, в котором он, в частности, критикует положения ереси Ария и вносит тем самым вклад в православную христологию. Феофилакт Болгарский в своем толковании на второе послание апостола Петра прибегает к косвенной цитации как отца церкви Иринея Кельтского (Лионского), так и оспариваемого Феофилактом учения Маркиона, а также анонимного еретического положения необходимости греха для спасения. Феофилакт Болгарский выступает в традиции восточной церкви преемником экзегетического метода Иоанна Златоуста, что влечет за собой неизбежное цитирование Феофилактом отрывков из творений Иоанна Златоуста в прямом или скрытом виде – примером подобной прямой и косвенной цитации является толкование Феофилакта на 1 Пет. 3:16-25.

Таким образом, прямая, косвенная и скрытая цитация в виде обращения к авторитету отцов церкви или же опровержения положений учений еретиков явилась одним из основных методов экзегетики Иоанна Златоуста и Феофилакта Болгарского, что позволило их текстам стать своего рода энциклопедией для последующих толкователей Нового Завета, от Евфимия Зигабена до авторов толковой Библии под ред. И. Лопухина.

Ольга Владимировна Осипова (Москва). *Интертекстуальные элементы в трактате Дионисия Галикарнасского «О Фукидиде»*

В докладе планируется рассмотреть способы осуществления межтекстовых связей в одном из риторических трактатов Дионисия Галикарнасского (I в. до н. э.) – сочинении, посвященном историку Фукидиду. Отмечается, что исследователи творчества Дионисия Галикарнасского обращают внимание на тексты – источники цитат и точность цитирования и связывают использование цитат с приемами сравнения и перестановки в риторических сочинениях (Волошина 2022, Pritchett 1975). Предлагается на материале трактата «О Фукидиде» рассмотреть аллюзии и цитаты различных типов, используя теоретические подходы к исследованию цитирования в художественной литературе (Фатеева 2011, Семенова 2011). Так как Дионисий Галикарнасский не только цитирует текст Фукидида, но и ссылается на произведения других историков и ораторов, в трактате имеются как лексические цитаты с точной атрибуцией из анализируемого произведения, так и номинативные аллюзии –

отсылки к тексту автора, содержание и стиль произведения которого сравнивается с «Историей» Фукидида. Отмечается, что, разбирая недостатки стиля, Дионисий Галикарнасский, во-первых, подвергает лексические цитаты деформации – сокращению, разделению на части, замене и перестановке отдельных слов, во-вторых, использует их для создания центонного текста в сочетании с пародией (Dion. Hal. Thuc. 47). Делается вывод о перспективах изучения интертекстуальных элементов в риторических трактатах Дионисия Галикарнасского.

Елизавета Глебовна Парфёнова (Москва). *Принципы и цели цитирования и пересказа чужого текста у Аристотеля*

При изложении собственных теорий Аристотелю свойственно кратко резюмировать положения предшественников. Такие краткие сведения о прежних учениях присутствуют в большинстве аристотелевских трактатов. В докладе на примере первой книги «Метафизики», посвященной изложению теорий древних философов, делается попытка анализа способов передачи Аристотелем чужого текста.

Все способы цитирования у Аристотеля возможно подразделить на три типа. Первый тип - точная передача текста. Это касается общеизвестных поэтических текстов (Гесиод, Симонид Кеосский); текстов философов, излагавших свое учение в поэтической форме (Эмпедокл, Парменид); таким же образом цитируются отдельные выразительные сентенции. Это наименее важные для аристотелевского рассуждения цитаты. Второй, наиболее важный и широко применяемый тип - пересказ чужого текста своими словами. Аристотель пишет первую, вводную, книгу «Метафизики», уже имея в виду свое учение о четырех причинах. Таким образом, его цели при цитировании: уважительно указать на первенство, но главное, отметить в чужой мысли положения, существенные для собственного учения, и показать их логические возможности: потенциальное или уже осуществленное кем-то развитие, потенциальные же недоразумения, ловушки, неопределенности. Чем более важно для Аристотеля цитируемое положение, тем более склонен он отходить от точного цитирования и передавать текст предшественника своей терминологией, подчиняя чужую мысль своей логике мышления и, как правило, сразу же подключая критический разбор анализируемого утверждения. В главах 3, 4, 8 первой книги

«Метафизики» Аристотель разбирает учения натурфилософов, в главах 5 - 9 учения пифагорейцев, элеатов и платоников. Третий тип цитирования - точное цитирование отдельного технического слова или выражения. Как правило, Аристотель делает это, чтобы критически разобрать термин, показать возможные трудности или, наоборот, преимущества его употребления.

Евгений Дмитриевич Подвальнов (Елец). *Место и функции цитат в описаниях походов Андрея Боголюбского*

Древнерусские описания военных походов Андрея Боголюбского демонстрируют разные функциональные назначения немаркированных цитат в текстах современников (записи, читаемые в Ипатьевской летописи за авторством игумена Поликарпа, в Новгородской первой летописи за авторством Германа Вояты, в Лаврентьевской летописи и др.). В нарративах, повествующих о военных кампаниях против волжских булгар, Киева и Новгорода, фиксируются реминисценции, параллели на библейские и византийские сюжеты, выражавшие отношение авторов к произошедшим военным событиям. В «просудальских» текстах они согласовывались с идеологией Андрея Боголюбского, в то время как книжники, представлявшие разоренные князем земли, в метатексте – через «скрытые» цитаты – выражали свое негативное отношение к деяниям владимирского суверена. По предположению автора ключевой особенностью является то, что книжники, открыто не осуждавшие действия Андрея Боголюбского, реальные свои взгляды выражали именно посредством «скрытого» интертекста, доступного к пониманию таких же искушенных грамотой людей во избежание политической опалы при новой – судальской – власти. Отдельный вариант использования «библейских ключей» (по Р. Пиккио) читается в «просудальских» нарративах об осаде Новгорода 1170 г., когда формальная правота и победа города св. Софии не должна была противоречить выстраиваемому образу благочестивого и богохранимого владимирского князя.

Александр Васильевич Подосинов (Москва). *Помпоний Мела и Плиний Старший: проблема цитирования*

В докладе рассматривается проблема цитирования Плинием Старшим в его географических книгах «Естественной истории» труда

его предшественника «О Хорографии» Помпония Мелы. В индексах ко всем 4 книгам труда Плиния Мела упоминается, как автор, чьи работы учтены Плинием. Однако нигде в тексте самой «Естественной истории» Плиний ни разу не называет его имени. При этом историки усматривают во многих местах «Естественной истории» близкие Меле описания, которые, тем не менее, на лексическом и синтаксическом уровне расходятся с описаниями Мелы. В докладе предпринимается попытка проанализировать два из многих близких текстов Мелы и Плиния для установления природы заимствований из Мелы, а также для понимания общих особенностей античной практики заимствования при компилировании чужих работ и проблемы плагиата в античности.

Ольга Владимировна Пржигодзкая (Санкт-Петербург).
Цитирование в трудах Синезия, епископа Птолемаидского

Синезий, епископ Киренский, (ок. 370- ок. 412/415 гг.) оставил большое литературное наследие, состоящее из писем, трактатов, проповедей и гимнов. В конце IV в. Синезий находился в Константинополе, где встречался с представителями интеллектуальной элиты и императором Аркадием, развивая перед ними свои взгляды относительно внутренней политики Империи и присутствия германцев на государственной службе. В речи De Regno и в ряде других произведений Синезий обращал внимание на опасность для общества и государства, которая исходила, по его мнению, от германцев. Для подтверждения своего мнения он использует цитаты авторов классического периода, намеренно искажая и архаизируя сведения тексты. Принцип идеологического искажения общеизвестных понятий и текстов становится для Синезия основой для спекулятивного подхода в трактовке событий современной для него истории и событий в целом. Предполагается рассмотреть круг цитируемых Синезием авторов и проследить искажения, намеренно внесенные в их тексты.

Елена Владимировна Приходько (Москва). *Цитирование Гомера в надписях южной Малой Азии периода Римской империи: цели авторов и научное значение*

После завоеваний Александра Македонского в южные области Малой Азии – Ликию, Писидию, Памфилию и Киликию –

переселилось много греков. Они принесли с собой традиции своей культуры, которые за несколько столетий сплелись в неделимое целое с наиболее устойчивыми элементами местной культуры. Древнегреческий язык практически полностью вытеснил ликийский, писидийский и другие языки Анатолии. Обучение велось по выработанным в Элладе канонам, и основным текстом были поэмы Гомера. Но, если сохранившиеся до наших дней руины городов дают возможность составить представление об эллинизации архитектуры, то значительно сложнее оценить, насколько анатолийское население смогло принять греческую систему образования. Для решения этой задачи было предпринято изучение ряда надписей из южной Малой Азии, целью которого было выявление присутствия в них скрытых цитат из поэм Гомера и определение лежащей на них дополнительной смысловой нагрузки.

Первую группу рассматриваемых эпиграфических памятников составили несколько произвольно выбранных эпитафий и почетных надписей. Анализ их текста показывает не только близкое знакомство их создателей с поэмами Гомера, но и дает возможность прийти к выводу о том, что скрытые цитаты из «Илиады» или «Одиссеи» служили для идентификации или даже самоидентификации того, кому эти стихи были посвящены, то есть подчеркивали наиболее важные смысловые моменты произведения. Цитата такого типа присутствует даже в одной прозаической надписи с территории Адад.

Отдельно был изучен текст астрагальных оракулов (на примере надписи из города Адады). Сам жанр подобных надписей подразумевает общий характер текста, лишённого каких-либо индивидуальных черт, дабы даваемые в ответах оракула советы могли подойти к жизненным ситуациям разных людей. Составитель этого сборника прорицаний неоднократно использовал гомеровские формулы. И тут возникает вопрос: может ли эпическая формула быть рассмотрена как цитата. В большинстве случаев встречающиеся в тексте оракула формулы не несут на себе никакой дополнительной нагрузки. Они, безусловно, свидетельствуют о том, что автор оракула прекрасно знал поэмы Гомера, но цитатами не являются. Однако в нескольких случаях заимствованная (и даже переделанная) формула не приобретает нейтрального звучания и сохраняет свою положительную или отрицательную коннотацию, свойственную ей в гомеровском контексте, что усиливает эмоциональное воздействие

ответа оракула. В таких случаях есть основания говорить о превращении формулы в цитату.

Итак, обнаруженные нами скрытые цитаты из поэм Гомера и их роль в тексте свидетельствуют о том, что в период Римской империи Гомер стал для жителей Анатолии таким же непререкаемым авторитетом, каким он был для самих древних эллинов.

Ирина Викторовна Пролыгина (Москва). *Виды, функции и техника цитирования в корпусе текстов Галена Пергамского*

В корпусе текстов Галена Пергамского (129-210/217 гг.) помимо ссылок на сочинения медицинских авторов встречается большое число цитат из классической греческой литературы. Круг и способы цитирования Галена подтверждают высокий уровень его образования и соответствуют кругу цитирования его современников, принадлежащих культуре «Второй софистики». Наибольшее число цитат встречается в его многочисленных комментариях на сочинения Гиппократов и Платона, где за введением цитаты следует развернутое толкование, призванное прояснить значение непонятого места, а сам Гален предстает в образе интерпретатора текстов, обладающего исключительными лингвистическими способностями.

Цитаты из классических авторов выполняли, главным образом, двойную функцию: с одной стороны, обеспечивали авторитет и убедительность высказыванию, служили своего рода *demonstratio eruditionis* автора, а с другой, придавали речи «красоту и приятность». В полемических контекстах знания поэзии и драматургии использовались, как правило, для опровержения взглядов оппонентов и обоснования собственной позиции, выполняя аргументативную функцию. В некоторых контекстах цитаты Галена служили поводом для научных размышлений на медицинские темы.

Помимо прямых цитат Гален использовал косвенные цитаты и аллюзии на классические греческие сюжеты и их персонажи. Чаще всего речь шла о хорошо известных аудитории мифологических или исторических рассказах или античной доксографии. Так, упоминаются всем известные персонажи гомеровского эпоса, античных трагедий, греческой истории и речей аттических ораторов. Литературные аллюзии выполняли декоративную функцию, рассчитанную на образованную публику, знакомую со школьными риторическими упражнениями – прогимнасами и репертуаром их

примеров. Кроме того, дополнительные смыслы привносили, по-видимому, скрытые цитаты или реминисценции, которые свидетельствуют об интертекстуальном характере медицинских текстов Галена, отличавшихся от строго технической медицинской прозы его предшественников.

Олег Алексеевич Родионов (Москва). *Цитаты из трактатов Василия Великого «О Святом Духе» и (Псевдо-?)Василия «О Духе» в сочинениях Каллиста Ангеликуда: проблемы точности цитирования и передачи смысла*

Каллист Ангеликуд (ок. 1325 – конец XIV в.) – представитель поздневизантийского исихазма. Его перу принадлежат богословские и аскетические сочинения, написанные в различных жанрах: слова, главы, гимны, послания, полемический трактат. Писатель нередко подкрепляет свои богословские утверждения цитатами из патристической литературы, в основном IV–VIII вв. Особенно часто в своих произведениях Каллист обращается к текстам церковных писателей IV столетия, главным образом – Великих Каппадокийцев. В настоящем сообщении предполагается рассмотреть цитаты из двух трактатов со схожими названиями: «О Святом Духе» (*De Spiritu sancto*, CPG 2839), несомненно принадлежащего Василию Великому, и «О Духе» (*De Spiritu*, CPG 2839), авторство которого является предметом дискуссий; не исключено, что он был составлен сестрой святителя, Макриной Младшей. Оба текста наиболее часто цитируются Каллистом Ангеликудом в контексте богословия обожения и тесно связанного с ним учения о божественных энергиях, ставшего особенно актуальным в эпоху т.н. «паламитских споров» 1330–1360-х гг. Наибольший интерес представляют особенности передачи определения энергий из трактата «О Святом Духе»: цитата приводится с минимальными изменениями (хотя временами и без указания автора), однако всегда в форме, отличающейся от той, которую мы встречаем в рукописях сочинения Василия Великого и всех его изданий. При этом цитата содержится в самых разных произведениях Каллиста Ангеликуда. Несмотря на очевидное формальное отличие от известного нам текста Василия, версия, предлагаемая Каллистом, как представляется, передает в целом тот же смысл. В докладе предпринимается попытка ответить на вопрос, является ли изменение текста древнего автора результатом

цитирования по памяти (но в таком случае удивляет его высокая стабильность) или же поздневизантийский писатель воспользовался каким-либо не дошедшим до нас рукописным источником (флорилегием?), содержащим отличный от общепринятого текст известного трактата.

Анна Анатольевна Сазонова (Москва). *Цитаты и интертекстуальные загадки в «чудовищной книге» Исидора Севильского*

Исидор Севильский в своем масштабном компендиуме «Этимологии» использовал широкий круг античных и христианских источников по разнообразным тематическим направлениям. В «чудовищных» разделах книги «О человеке и чудовищах» (Etym. XI. III, 1–39; IV, 1–3. De portentis. De transformatis) его авторская стратегия по формулированию собственного взгляда на человекообразных монстров и народов-чудовищ проявилась в разных видах цитирования (прямом, скрытом, «из вторых рук», сокращенном, с ошибками). Специфика энциклопедического жанра требовала привлечения фантастического материала, а религиозные рамки накладывали свои ограничения на оценку монструозных чудес. Результаты текстологического анализа позволяют говорить о том, что весь нарратив о чудовищах демонстрирует цельность авторского замысла вестготского епископа, то есть отсутствие позднейшей редакции Браулиона.

Екатерина Владимировна Снедкова (Москва). *“Laudes Augusti” в Hor. Epist. I. 16 – цитата из Вария Руфа?*

В центре доклада – предполагаемая цитата из произведения Луция Вария Руфа, поэта августовской эпохи, который известен главным образом благодаря своему непосредственному участию в публикации «Энеиды» Вергилия. Но и произведения самого Вария, согласно его современникам и более поздним авторам (Вергилий и Гораций, Квинтилиан и Тацит), высоко ценились в Риме. Известно, что он писал трагедии и эпос, но от его произведений сохранились только немногочисленные фрагменты, дошедшие до нас в виде цитат у античных прозаических авторов – грамматиков и схолиастов. В частности, самые объёмные фрагменты из сочинений Вария Руфа (поэмы De Morte) приводит автор V века Макробий.

Речь пойдёт о единственном фрагменте из сочинений Вария, сохранившемся в поэтическом источнике – в одном из стихотворений первой книги «Посланий» Горация (Hor. Epist. I. 16. 27–29). В самом произведении цитата представляет собой две строки, органично вплетённые в текст, а сам Гораций нигде не называет поэта. Принадлежность же этих строк Варию предполагается исходя из комментариев к Горацию – схолий Порфириона и (Псевдо)акрона. Первый, комментируя это место «Посланий», говорит о Panegyricus Augusti (без упоминания Вария), а второй указывает на то, что Варий написал эти строки об Августе (haec enim Var*i*us de Augusto scripserat). Сложность заключается также в том, что в отличие от некоторых других произведений Вария, нам напрямую неизвестно о каком-либо его сочинении в честь Августа. Ввиду этого мнения исследователей (Р. Хельм, Э. Холлис, Э. Лефевр) относительно подлинности этой цитаты расходятся.

В докладе будут рассмотрены все связанные с исследуемой цитатой источники, а также будет проанализирована сама цитата с точки зрения различных типов цитирования в античной поэзии.

Татьяна Юрьевна Спирина (Москва). *Был ли «плагиат» в античной медицине (на примере трудов Галена)?*

Для римского общества II в.н.э. является временем повышенного интереса не только к философии и ораторскому искусству (Эпоха Второй софистики), но также и к медицине. Расцвет последней в этот период приводит к увеличению медицинских учений и сочинений, в которых могли находиться в большом количестве фальсификации, ошибки, неточные цитирования. Между тем, для врача любого времени вопрос точного цитирования трудов стоял очень остро. Ведь любое искажение – случайное или намеренное – несло за собой практические последствия: ошибка в рецепте могла привести к ухудшению здоровья больного, что неизбежно сказывалось на авторитете врача. Поэтому в интересах учёного-медика – как ни у кого более – было, с одной стороны, обеспечить максимально точное цитирование своих трудов, особенно тех, что касались конкретных рецептов, а с другой – не допустить «плагиата» своих работ.

Уникальным источником по данному вопросу представляются труды Галена – знаменитого пергамского врача, написавшего, по утверждению Афиня, за свою жизнь больше, чем любой другой

грек (Athen. I, 14). Поэтому неудивительно, что в трактатах Галена можно часто встретить жалобы на огромное количество ошибок и искажений, которые допускают издатели его трудов или те, кто цитируют отдельные положения его учения (Kühn. XIII, 995-996; XIV, 31-32; XV, 109), а также на открытый «плагиат» его работ (Gal. Lib. Prop. I, 1-3, 7). Отсюда возникают две взаимосвязанные между собой проблемы, которые сегодня не получили достаточного освещения в научной литературе. Во-первых, были ли искажения в медицинских сочинениях античности случайными или же намеренными? Во-вторых, могли ли авторы бороться с ошибками при цитировании своих трудов или доказывать подлинность своих сочинений?

Эти вопросы и будут рассмотрены в докладе.

Дмитрий Владимирович Спицын (Санкт-Петербург).
Цитирование в Великом покаянном каноне святителя Андрея Критского

Последние десятилетия в современных исследованиях византийской литературы прослеживается интерес к византийской гимнографии: богословские идеи, отражение исторических реалий и пр. Особое место по объему (261 тропарь!) и содержанию (от учения о Боге до учения о человеке) занимает Великий покаянный канон святителя Андрея Критского. Ввиду того, что он основан на Священном Писании, в настоящем докладе рассматривается то, как оно цитируется в каноне и какие способы классификации цитат можно предложить. Тропарей с цитированием в Великом каноне мало – примерно 42. С одной стороны, в каноне встречаются дословные цитаты из Библии, с другой, гораздо чаще, есть случаи авторской правки цитат: перемена слов местами и замена одних слов другими. Такую редактуру можно объяснить необходимостью подстроить тропарь под ритмический рисунок ирмоса соответствующей песни. В Великом каноне нет тропарей с указанием источника цитаты – иногда в цитате упоминается только персонаж, которому в Писании принадлежат цитируемые слова. Крайне редким случаем является цитирование из небиблейского источника. Наконец, цитаты в Писании можно классифицировать на основании следующих параметров: по степени точности передачи библейского текста, по содержанию и по атрибутированию цитаты. Таким образом, цитирование, не смотря на его формирующий характер для

канона, представлен в нем не очень часто, при этом автор чаще достаточно свободно подходит к изложению цитат.

Игорь Евгеньевич Суриков (Москва). *Дословные цитаты в корпусе фрагментов ранних греческих историков*

Корпус фрагментов ранних греческих историков (должен увидеть свет в русском переводе в будущем году) составлен нами путем выборки из фундаментального свода Ф. Якоби FGrHist. При отборе авторов для свода за основу был взят известный список Дионисия Галикарнасского (Dion. Hal. De Thuc. 5), к которому добавлены еще некоторые имена, принадлежащие историкам, которые работали не позже V в. до н.э. К сожалению, фрагменты их по большей части представляют собой пересказы позднейшими писателями, и лишь в достаточно редких случаях мы имеем дословные цитаты (по понятным причинам такие фрагменты наиболее ценны). В докладе будет рассмотрен ряд цитат этого рода (порой сохраняющих даже диалектальные особенности трудов ранних историков, писавших по-ионийски) из таких представителей древнейшего историописания, как Гекатей Милетский, Ферекид Афинский, Гелланик Лесбосский, Антиох Сиракузский и др. Такие цитаты позволяют делать выводы, в частности, о стиле интересующих нас авторов, а стиль этот, вопреки суждению того же Дионисия Галикарнасского, был, как выясняется, не таким уж простым и однообразным (во всяком случае, у некоторых из ранних историков, например, у Гелланика, наряду с сугубо сухими пассажами встречаются достаточно живые, так что применительно к нему можно говорить, используя известную формулировку А.И. Доватура о Геродоте, о «повествовательном» и «научном» стилях). Следует, впрочем, оговорить, что выявление в рассматриваемых текстах дословных цитат и их отделение от пересказов сплошь и рядом представляет большие трудности. Кавычки, как известно, в античности не использовались, а структура фразы тоже не всегда проясняет вопрос: ведь даже после союза ὅτι («что») у нас маркирующего введение косвенной речи, может идти прямая цитата.

Тамара Фёдоровна Теперик (Москва). *Цитата и поэтика интертекста: эпос*

В докладе на материале античного эпоса будет рассмотрена поэтика цитирования античными авторами: Вергилием Гомера,

Луканом Вергилия. Поскольку эпос наиболее традиционалистский жанр, то есть опора на традицию, даже в случае полемики с ней, имела большое значение, логично рассмотреть, какой прием является наиболее часто цитируемым, наиболее часто употребляемым. И, конечно, каков контекст этого приема у того или иного автора. По нашим наблюдениям, одним из таких приемов является сравнение. Казалось бы, эпическое сравнение относится к конкретной, неповторимой, индивидуальной ситуации, где герой или героиня сравнивается с чем-то таким, что проясняет его характер, ту или иную ситуацию, в битве ли, в любовной сцене ли, и т.д. Это верно, и в то же время есть повторяющиеся ситуации, например, ситуация не просто боя, а решающего боя, то есть того сражения, которое поставит точку если не в войне, то в судьбе главного героя поэмы. Таково сравнение в «Илиаде» в эпизоде, где Ахилл гонится за Гектором («Илиада, XXII») именно на это сравнение опирается Вергилий, описывая поединок Энея и Турна («Энеида» XII), на что неоднократно обращали внимание комментаторы. При том, что поединок Энея и Турна сопровождался договором и поставил в войне точку, а поединок Ахилла и Гектора таковым не был, Гомер не случайно закончил свою поэму именно так, а не взятием Трои, например. Если гибнет Гектор-символ нерушимости Трои, то ясно, что и Троя погибнет. Поэтому при всем различии контекста и образов героев поединка (у Гомера гибнет лучший герой поэмы, у Вергилия худший) поэтика цитаты, где бег героем сравнивается с тем, что имеет место во сне обладает и чертами сходства. Дословного совпадения здесь нет, но если совпадает контекст, образы главных антагонистов, им пункт сравнения, ясно, что это цитата. Пусть и скрытая именно в этом ее художественная сила, чтобы подчеркивая общность, оттенять различие.

Софья Александровна Харламова (Москва). *Цитаты Пиндара в трактате Плутарха "De audiendis poetis"*

"De audiendis poetis" представляет собой хороший материал для изучения проблем цитирования в античной литературе. В произведении столь небольшом по объему (около 22 стефановских страниц) дано по нашим подсчетам не менее 189 поэтических цитат, в трактате также присутствуют и прозаические цитаты, однако они пока не становились предметом нашего исследования. Среди 189 поэтических цитат подавляющее большинство (102 цитаты) взяты из

поэм Гомера. Стоит отметить, что в отличие от прозаических цитат, поэтические цитаты Плутархом взяты лишь из греческих авторов. После Гомера автором с наибольшим количеством цитирования в трактате оказывается Еврипид, 27 цитат. Всего же из драматических сочинений приведено Плутархом 66 цитат (55 цитат из трагедий, 11 – из комедий), при этом встречаются неизвестные как трагики (9), так и комики (2). Эпические цитаты в “De audiendis poetis” представлены не только поэмами Гомера, но и Гесиода. Гесиода он цитирует 10 раз, и все примеры из «Трудов и дней». Присутствуют в трактате примеры также из мелики. Из представителей хоровой мелики Плутарх цитирует Пиндара 3 раза, Вахилида и Тимофея по одному разу. Из нехоровой мелики Плутарх цитирует трижды Архилоха, один раз Феогнида, а также по одному разу представителей так называемой философской элегии Ксенофана и Эмпедокла.

Ранее мы достаточно занимались цитатами из поэм Гомера, рассматривали на начальном этапе драматические цитаты и цитаты из Гесиода. В этом докладе мы бы хотели остановиться на цитатах из Пиндара. Прежде всего, потому что их небольшое количество для более или менее подробного анализа в рамках доклада, а также потому что между Пиндаром и Плутархом была особая связь как между соотечественниками. Так, нам известно, что Плутарх написал жизнеописание Пиндара (fr. 9 Sandbach) и в своих сочинениях не раз ссылался на поэта.

Ирина Валентиновна Хорькова (Москва). *Учитель и ученик: особенности цитирования*

В докладе предпринимается текстовое сопоставление пассажей о великих богах римского пантеона из сочинений христианских апологетов Арнобия и Лактанция (по сообщению Иеронима Стридонского, второй является учеником первого). Основная задача исследования – выявление источников информации апологетов в рассматриваемых пассажах, одним из которых было сочинение Цицерона De natura deorum.

В результате текстового анализа устанавливается фактическая идентичность пассажей Цицерона и Лактанция, а также фактическое сходство информации Арнобия и Цицерона, что позволяет говорить об их общем источнике. Выявляется разница в характере цитирования

апологетов. Если Лактанций использует практически дословное цитирование, то Арнобий прибегает к перефразировке.

Дмитрий Алексеевич Щеглов (Санкт-Петербург). *«Библиотека» Страбона: количественное измерение цитирований в «Географии»*

В докладе будут представлены предварительные данные по количеству цитирований приблизительно 160 авторов, упоминаемых в «Географии» Страбона. Не вдаваясь глубоко в содержание цитат, предполагается проанализировать общее распределение авторов по числу цитирований и по их жанровой принадлежности (поэты, историки, географы, философы и т.д.). Результаты предполагается сопоставить с аналогичными подсчётами, уже проведёнными для цитирований у двух других ключевых источников по античной географии – Плиния (книги III-VI) и Стефана Византийского. Статистика цитирований в «Географии» косвенно позволяет пролить свет на состав «библиотеки» Страбона, т.е. того круга авторов, к чьим сочинениями он обращался непосредственно или же знал об их содержании только из вторых рук.

Иван Андреевич Юрченко (Санкт-Петербург). *«Переосмысляя смерть мученика: интерпретация “Страстей свв. Перпетуи, Фелицитаты и их сомучеников” в проповедях Аврелия Августина»*

В последние тридцать лет в области исследований поздней Античности возникли работы, посвященные теме смерти (Э. Ребийар, К. У. Байнам, Х. Котила, Ж.-М. Жирар, П. Браун). В этих трудах рассматривается отношение к смерти у христианских авторов, в частности у Аврелия Августина (354–430). По мнению Э. Ребийара, Августин был первым из отцов церкви, узаконившим эмоцию страха смерти в рамках христианского дискурса, что в значительной степени изменило подход латинских религиозных авторов к обсуждению темы смерти.

Такое утверждение было сформировано на основе двух положений. На отношение к смерти Августина повлияла его полемика с практикой самоубийства, распространённой среди донатистов. Также важную роль сыграло осмысление Августином смерти как последствия первородного греха.

Ярким примером, демонстрирующим новый риторический подход Августина к эмоции страха смерти, служат проповеди, в

которых интерпретируется смерть Карфагенских мучеников из трактата «Страсти святых Перпетуи, Фелицитаты и их сомучеников». В рамках доклада будет рассмотрен вопрос об интерпретации этого текста в контексте новых обстоятельств религиозно-богословских споров, которые сформировали риторические подходы Иппонийского епископа по отношению к проблеме смерти.

В пастырской работе с аудиторией Августин стремился, с одной стороны, почтить память мучеников, сохраняя представление об их радостной смерти. Но, с другой стороны, он адаптирует текст «Страстей» в соответствии со своими этико-богословскими воззрениями. Августин учитывал актуальные запросы своей аудитории, для которой проблема страха смерти стала особенно значимой в условиях нестабильности римских институтов в начале V века.